

ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТА В ФИЛОСОФИИ М. ФУКО

П. С. Хицкий

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Субъект в структуралистской и постструктуралистской традиции отличается от классического «трансцендентального субъекта». Он не представляет собой априорных форм. Он не безусловен и создается. Языковая причина этого – французское *sujet* как подчиненный. Становление субъекта рассматривается прежде всего как подчинение (*assujettissement*), что связывает субъект с темой власти и отдаляет от оппозиции субъекта и объекта (каковая присутствует в структурализме и постструктурализме как оппозиция внешнего и внутреннего).

Для понимания такого субъекта полезны слова «разрыв», «удвоение» и «различие». Субъект всегда рассматривается как субъект чего-либо. Например, как субъект желания у Лакана, субъект дискурса или морали. В субъекте всегда можно выделить две так. наз. «стороны»: некое пустое «я» и его содержание, зависящее от того, чего именно это субъект. Такое овнешнение всякого содержания и позволяет рассматривать субъект как то, что создается и что еще важнее – как то, от чего следует избавиться.

Субъект у Мишеля Фуко близок прежде всего к субъекту у Альтюссера, создаваемому благодаря называнию этого «я» (например, преступником). Теория интерпелляции Альтюссера объясняет эту характерную для данной традиции связь приписывания имени и власти. Власть создает субъект, наделяя его определенностью, чему соответствует характерный для структурализма способ борьбы с властью – избегание этой определенности (ср. также смещение у Р. Барта). Для такого избегания необходимо два шага: утвердить пустоту субъекта как «я» и исследовать формы определенности. Эти два шага и делает Фуко.

Фуко «археологического» периода делает акцент на пустоте субъекта. Принимая связь субъекта с называнием и дискурсом, он настаивает на пустоте субъекта литературы. Этот субъект – «пустота, в которой язык находит свое пространство, когда заявляет о себе в обнаженности «я говорю» [4, с. 14]. В той же работе он говорит о том, что «всякий субъект вырисовывает только грамматическую складку» [4, с. 56]. И открыв для себя пустоту субъекта дискурса, Фуко начинает генеалогическое исследование властных механизмов дискурса, до того остановившись на теме удвоения [9] и показав, что называние всегда называет нечто иное, чем сам источник этого называния (эмпирическое и трансцендентальное в человеке).

Фуко «генеалогического» периода редко употребляет слово «субъект». Начиная с «Порядка дискурса» он обращается к «власти» и исследует ее механизмы. Субъект в этот период можно считать только как «точки сопротивления» власти, избегающие определенности [1].

В работах последних лет Фуко возвращается к теме субъекта, а именно субъекта морали. Речь идет не только об исследовании властных техник, не только о генеалогии субъекта как создаваемого властью, но и, что более важно, о мифе античности, который позволяет Фуко наметить другое понимание субъекта, исключить необходимость связи субъекта с властью. Фуко отсчитывает эту связь с Рима. Именно там появляется набор правил, формирующих «квази-субъект, суверенно правящий в нас» [5, с. 160]. После чего в Европе этот набор правил только уточняется и фиксируется. Тем не менее в Греции эти правила еще не были кодифицированы и становление субъекта происходило как установление этих правил для себя самого. Правило было предметом спора, а не установленным запретом. «Свое» мог установить только ты сам, и правила в Греции по Фуко были этим «своим». И становление субъекта как подчиненного началось именно с превращения этих правил в чужие, предполагающие присвоение. И Фуко предлагает не избавление от субъекта, но способ борьбы с нормами как чужим. В политическом смысле это означает «отрицание того, чем мы являемся» [3, с. 100], а в философском – формирование «своего» философского этоса, о котором говорит Фуко в поздних работах.

Таким образом, Фуко теснее, чем кто бы то ни было, связывает субъект с темой «своего». Политическое требование избавиться от субъекта становится философской темой присвоения и отличия своего от другого и чуждого. Тем не менее «своим» в этой традиции, как мы видели, оказывается пустота (*vide*). И именно это становится проблемой субъекта у Мишеля Фуко. Проблемой различия между обретением своего и уничтожением, которую сам Фуко не проясняет. И это различие еще должно установить исследование его вклада в постструктуралистскую проблематику субъекта.

Литература

1. М. Фуко Воля к истине, М., 1996.
2. М. Фуко Герменевтика субъекта // Социо-логос. Вып. 1. М., 1991.
3. М. Фуко Зачем изучать власть: проблема субъекта // «Философская и социологическая мысль». 1990. №9.
4. Foucault M. “La pensee du dehors”, Paris, 1986.
5. Foucault M. “L’hermeneutique du sujet”, Paris, 2001.
6. Foucault M. “Subjectivité et verité” in “Resumé des cours 1970-1982”, Paris, 1989.

7. Foucault M. "L'hermeneutique du sujet" in "Resumé des cours 1970-1982", Paris, 1989.
8. Foucault M. "Le sujet et le pouvoir", in "Dits et écrits", v. 4, Paris, 1994
9. Foucault M. "Préface a la transgression", in "Dits et écrits", v. 1, Paris, 1994.